

5-е издание

ВОЛХВЫ ВОЙНЫ

Лев Рудольфович Прозоров Волхвы войны. Правда о русских богатырях

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9013035

Волхвы войны. Правда о русских богатырях / Лев Прозоров: Эксмо :

Яуза; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-64898-6

Аннотация

Ведомо ли вам, что подлинные РУССКИЕ БОГАТЫРИ ничуть не похожи на те приукрашенные сусальные образы, что предстают в современных «политкорректных» пересказах, – настоящие богатыри рубили поверженных врагов в куски и делали чаши из человеческих черепов, совершали ритуальные самоубийства и хоронили павших по языческому обряду, сражались против полчищ Аттилы и вели род от древнего скифского корня. Это не «христолюбивое воинство», каким пыталась их представить Церковь, а грозные волхвы войны, титаны, оборотни и полубоги, последние герои арийского пантеона, наследники великой языческой эпохи, когда Русские люди на равных спорили с богами, держали на богатырских плечах Небо и ни перед кем не преклоняли колен! Эта книга – новый взгляд на богатырское прошлое Руси, сенсационное переосмысление русских былин,

неопровержимое доказательство их языческого происхождения, разгадка древних кодов и тайных иносказаний. Книга также выходила под названиями «Времена русских богатырей. По страницам былин – в глубь времен» и «Богатырская Русь. Языческие титаны и полубоги».

Содержание

Введение	6
Часть первая	21
Глава 1	21
Глава 2	30
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Лев Прозоров

Волхвы войны. Правда о русских богатырях

© Прозоров Л. Р., 2013

© ООО «Издательство «Яуза», 2013

© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

* * *

С благодарностью:

Героям и певцам Русских былин.

*И.Я. Фроянову, Ю.И. Юдину, С.Н. Азбелеву –
тем, кто продолжил дорогу.*

Моей Апракsee – а вдруг еще встретимся...

Введение

Возможно, читатель, вас удивил подзаголовок этой книги. Какие тайны могут быть у русского эпоса, у Ильи Муромца и Алеши Поповича? Ведь все это знакомо нам с детства, растиражировано в десятках, если не сотнях, книг, фильмов, мультфильмов – и так далее, вплоть до анекдотов. Анекдотам повезло особенно – мало кто толком помнит содержание хотя бы одной былины про Илью Муромца, зато рассказать пару анекдотиков на тему вроде «поссорились как-то богатыри с мушкетерами» может любой школьник.

Ну хорошо, согласится автор этих строк, готов поверить, что былины всем хорошо известны... но давайте-ка все же, читатель, проверим. Берем былинку про Вольгу Всеславича и Микулу Селяниновича. Былина очень известная, в редкий сборник не входит, и даже включена в школьную программу. Да-да, о том, как ехал однажды князь Вольга со своею дружиной и повстречал удивительного пахаря...

А вот теперь, читатель, опишите мне их. Как они выглядели в былине, Вольга и Микула, князь и пахарь?

Вот практически уверен, читатель, если вы взялись за эту задачу, то описываете примерно так: простоволосый, может быть, даже босой Микула Селянинович в белой рубаше и холщовых портах – и рядом закованный в кольчатую броню князь в островерхом шеломе. Все так. Именно таким об-

разом дело предстает на иллюстрациях Билибина, Архипова, Кибрита, Перцова или Лосева, картинах Николая Рериха, Константина Васильева, Александра Клименко, лаковых миниатюрах палехских мастеров. Все так – и все совершенно неверно. Вот как выглядит пахарь-«оратай» в былинах:

У оратая кобыла соловая,
Гужики у него шелковые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошке булатные,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота,
А у оратая кудри качаются,
Что не скачен ли жемчуг рассыпается,
У оратая глаза ясна сокола,
А брови у него да черна соболя;
У оратая сапожки зелен сафьян:
Вот шилом востры, носы востры,
Вот под пята воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати;
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него черна бархата.

Это еще не все, читатель, в иных вариантах на пахаре еще и шубка куньего меха обнаруживается. Станный пахарь, правда? Или сказители, русские деревенские люди позапрошлого столетия, не знали, как выглядит пахарь, – что, согласитесь, сомнительно. Или пахарь этот, скажем так, очень

необычный.

А Вольга? Помните эпизод, когда он безуспешно пытается догнать оседлавшего «соловую кобылку» Микулу?

Тут Вольга стал да он покрикивать,
Колпаком он стал да все помахивать.

А вот тут как раз никаких загадок – попробуйте-ка провести несколько часов, пусть даже верхом, и не на очень большой жаре, в железной кольчуге и шлеме с бармицей. Благо при обилии клубов исторического фехтования в нашей стране это теперь не проблема. Сразу же поймете цену тем фильмам, картинам и книгам, где воины не расстаются с полным вооружением ни на минуту. Поэтому вполне естественно, что князь ехал за данью, выражаясь современным языком, «одетым по-граждански». И на голове у него была шапка, «колпак», а не стальной остроконечный шлем, в котором рисовали князя-оборотня поколения художников.

Как видите, читатель, даже отлично знакомая, казалось бы, с детства былина, входящая – чего уж больше! – в программу средней школы (по крайней мере, входившая в нее в школьные годы автора этих строк), может преподнести не один сюрприз. А что уж говорить о тех былинах, о которых большинство русских едва слышали! «Князь Роман и братья Ливики», «Данила Ловчанин», «Дунай», былины про Ермака – совсем не того, что покорял Сибирь! – про Саура Вани-

довича и сына его Саура Сауровича. Но даже хорошо известных былинных героев мы знаем по картинам, фильмам, повестям... анекдотам тем же. Причем анекдоты явно преобладают. Если еще, скажем, мультипликаторы советских времен относились к былинным сюжетам с каким-то уважением (ну заставили Василису Микулишну вместо литовского посла одеться ордынским, ну, обрядили зачем-то Чурилу Пленковича европейским щеголем эпохи Возрождения, ну – это даже понятно – заменили свирепый эпизод со стрелой Ильи, вышибшей глаз Соловью-разбойнику, на бескровный вариант), то наши современники в «Алеша Попович и Тугарин Змей» резвятся всюду, нимало себя не сдерживая необходимостью считаться с былиной или там историей. От былины в этом «шедевре» отечественной анимации имена главных героев, князь Владимир, да названия двух городов – Киев с Ростовом. На подходе новый мультфильм «по мотивам» былинного эпоса – на сей раз жертвой бойких на руку дельцов от анимации станет другой русский богатырь, Добрыня. Уже по анонсам и ревью видно, что нас ожидает очередной анекдот. Вволюшку оторвались над русским эпосом фантасты Буркин и Лукьяненко в «Острове Русь»¹. И пьют все бо-

¹ Тут двоякий подкол. Во-первых, в арабских источниках X века и впрямь упоминается остров Рус, родина русов – очевидно, балтийский Рюген. Во-вторых, на проверку остров Русь веселых соавторов оказывается Мадагаскаром – островом, на который гитлеровцы в ходе «окончательного решения еврейского вопроса» хотели выселить евреев. А в фантастической буффонаде Буркина и Лукьяненко именно этот остров становится резервацией для всех, в ком течет хоть капля

гатыри, не просыхая (в том числе и чистый спирт, и даже... «царскую водку», смесь азотной и соляной кислоты, в которой ювелиры растворяют золото), и приключения их срисованы с мушкетеров – опять же киношных, а не книжных, – и главный из них, Иван-дурак, неведомо как забредший из сказки в былинный мир, оказывается... негром. И так далее и тому подобное – «Три богатыря» Колычева, «Жихариада» Михаила Успенского...

Нет, я не против юмора, читатель. Нехорошо, когда нет чувства юмора – но и когда все и вся приносится в жертву смеху, когда из всех чувств остается одно чувство юмора – в этом тоже есть нечто нездоровое, не так ли? Вот испанцы, снявшие по мотивам своих «былин»-романсеро о рыцаре Родриго де Биваре по прозвищу Сид Кампеадор (изумительно, кстати, похожем на нашего Муромца), анимационный фильм «Легенда о рыцаре», нашли в нем место для улыбки, но и в сплошной стеб приключения национального героя превращать не стали. Им, наверное, и мысль такая в голову не пришла. А у нас... ну, сняли в советские времена несколько неплохих мультфильмов и один полнометражный «Илья Муромец». Только «Илью» теперь мало кто смотрит, а все советские мультфильмы по времени уложатся как бы не в четверть балаганного «Поповича». Дисбаланс. Неравновесие, говоря по-русски.

русской крови. Разве не смешно? Странно... Впрочем, мне тоже не смешно, читатель. А вот им – смешно.

И, в конце-то концов, смеяться над тем, чего толком не знаешь – тоже не дело. Как гласит пословица, смех без причины... мда, нездоровый симптом.

Поэтому, надеюсь, читатель, вы согласитесь со мною, что такие книжки, посвященные нашему, русскому эпосу, еще долго не будут лишними. И равнодушный к истории, к памяти и духу русского народа человек найдет в них – и в этой, которую вы держите в руках – немало интересного.

Изучение былин – краткости ради впредь я буду говорить просто «былиноведение» – переживало разные времена, как и любая наука. Бывали взлеты, бывали падения, был в истории изучения русского эпоса и глухой застой, и рывки-прорывы. Сейчас, кстати, тоже не лучшие времена. Особенно для тех историков, что обращаются к былинам, как к источнику о древнейших временах русского народа. Большинство ученых сейчас очень охладели к поискам сведений о древней Руси в былинах, и не без причины.

Почти всю вторую половину минувшего столетия наши ученые ожесточенно спорили об отношении русского эпоса к истории. С одной стороны выступал академик Борис Александрович Рыбаков со своими последователями – М.М. Плисецким, С.Н. Азбелевым и многими другими. С другой – Владимир Яковлевич Пропп, фольклорист с мировым именем, которого Дмитрий Балашов назвал «школой в нашей науке» – и был прав. Проппа также поддержали многочисленные ученики и последователи. В споре, однако, не ро-

дилась истина, напротив, спорщики в увлечении ушли от нее очень и очень далеко, пустившись в самые прискорбные крайности.

Рыбаков и его последователи отыскивали в былинах отражение событий и персонажей летописи. Притом, с одной стороны, не обходилось без натяжек – нам, читатель, еще многие из них предстоит рассмотреть. А с другой – и это, пожалуй, похуже любых натяжек – неповторимость и своеобразие былин как исторического источника недооценивали – и самым фатальным образом. Русский эпос становился переложением на белый стих пересказом избранных мест из «Повести временных лет» печерского летописца. Всякое отличие отметалось, как «позднейшее наслоение», «искажение», «эпическая фантазия», «мифологический орнамент». И «в отвал» уходили полезные, подчас очень и очень ценные исторические сведения. Авторитет Бориса Александровича Рыбакова – патриота и замечательного ученого, но вместе с тем человека увлекающегося, – закрепил за поисками летописных «прототипов» былинным героям и их приключениям имя «исторической школы» в былиноведении. Между тем и до Октябрьской революции, и после нее существовала иная традиция исторического былиноведения. Когда-то сам Рыбаков и Плисецкий отдали ей дань – перед тем, как в азарте спора убрести на неверную тропку поисков летописных прототипов.

Отождествление этих поисков с собственно «историче-

ской школой» оказалось на руку их соперникам. Они не просто указывали – вполне справедливо, впрочем, – на натянутость параллелей между былинными и летописными событиями и действующими лицами. Они делали из этого самые категорические выводы. Особенно отличился на этой ниве Борис Путилов. «Эпос никаких исторических событий не отражает, и герои его ни к каким историческим прототипам не восходят», – с беспощадной решимостью прокурора рубит он. И выносит приговор: «Вопрос этот в серьезном научном плане можно считать закрытым».

Тут, пожалуй, стоит вспомнить байку про некоего мастиного поэта, изрекшего: «Вчера написал стихотворение о любви. Закрыв тему». Может ли ученый всерьез рассчитывать «закрыть тему», да еще не в своей – Путилов филолог – а в чужой, исторической области? Я уж не говорю о манере ведения дискуссии – любые возражения с ходу выводятся за рамки «серьезного научного плана». Подобные приемы, увы, свойственны не только ученикам Проппа – а с другой стороны, присущи вовсе не всем его последователям. Ведя обсуждение таким образом, исследователь рискует попасть впросак – и действительно, Путилов впросак попадает.

Вот он возражает тем, кто видит в былинном богатырстве историческую княжью дружину. «В былинах у князя Владимира нет дружины. Он окружен «князьями-боярами», «гостями торговыми», слугами, но о дружине речи нет. Нет никаких оснований уподоблять богатырей дружинникам».

Так-таки уж нет? Загибайте пальцы, читатель. Богатыри – конные профессиональные воины на службе киевского князя. Мы видим их в основном или в боевых условиях, или на пиру в княжьем тереме. Они собирают для князя дань. Они ездят по его приказанию в посольства к чужеземным владыкам. Они выполняют его различные поручения – увы, не всегда благовидные. Они объединены в спаянный солидарностью союз. Но притом, если богатыри недовольны князем, они считают себя вправе уехать от него и иногда вспоминают, как служили у других правителей. Ну, кто же это, говоря языком исторической науки? Да, задачка... для школьника – и то не читавшего учебники по истории.

Можно перечислять «основания», роднящие былинных заступников земли Русской с историческими дружинниками, еще очень долго. Они, эти «основания», составили значительную часть замечательной книги Р.С. Липец «Эпос и Древняя Русь» – и спорить с этой работой, понятно, задача потрудней, чем свысока шпынять историка и археолога Рыбакова за «филологический непрофессионализм».

Но достаточно ли профессионален сам филолог Путилов?

Вот в былине «Ермак и Калин-царь» Илья Муромец намеревается собрать богатырей:

А как съезжу я к чисту полю,
А как я сберу свою *дружину* да хоробрую
А как сберу я тридцать молодцев да без единого...

У главного героя русских былин слово с делом не расходится – и вот уже

А как ажно еде старой казак Илья Муромец,
А Илья Муромец сын Иванович,
А й со всей он *дружиной* с хороброю,
А й как тут уж съехались
А й как тридцать молодцев да со единым,
А й как тридцать сильных русейских богатырей.

Как видим, в былинах есть дружина, и дружина эта – именно богатыри (почему она оказывается дружиной именно Ильи, а не Владимира Красного Солнышка – об этом будет, читатель, особый разговор). В былине «Ставр Годинович» Владимир устраивает пир

На многих князей да бояров,
На всю поленицу удалую,
На всю на *дружину* храброю.

И тут Владимир окружен дружиной, причем упоминается она в перечне пирующих там, где обычно упоминают богатырей – которые на сей раз в списке не появляются. Как это понимать? А очень просто – дружина и есть богатыри. А богатыри – это и есть киевская дружина. И про это ясно сказано в былинах. Вот и гадай – то ли филолог и фольклорист Борис Путилов, полвека пишущий книги по русскому эпосу,

толком в нем не разобрался, то ли знает все прекрасно – но все равно пишет другое.

Однако хороши бывают и историки – вот, скажем, Руслан Григорьевич Скрынников сообщает, что былины возникли в X веке из скандинавских саг. То есть исландские саги – прозаические во всех смыслах слова, сухо-документальные по стилю – каким-то образом угодили на Русь, где и преобразились в эпические поэмы-былины, при этом превращении утратив, кроме прозаической формы, всех героев и все сюжеты. Как говаривал британский мыслитель и писатель Гилберт Честертон, более известный у нас, как автор детективов про отца Брауна: «Нельзя изменить перья у коровы или лапы у кита. Если что-то изменилось полностью, оно не изменилось». Что ж удивляться, что после таких «исследований» попытки историков обращаться к былинам встречаются фольклористами в штыки.

Мы можем согласиться с учениками Проппа – абсолютное большинство сопоставлений былин и летописей, которые проводят ученики Рыбакова, – натяжки, и натяжки очевидные. Далее я покажу не один такой пример. А вот соглашаться с выводом о полной неисторичности былин мы торопиться не станем. Обе стороны блистательнейшим образом упускают из виду одну очень простую и очевидную вещь: летопись – это только летопись. Не меньше – но и не больше. Летопись – это не история. Спор учеников Проппа и Рыбакова, по сути, оказывается спором не об историчности бы-

лин, а об их летописности. Речь шла о сопоставлении двух литературных жанров – что ж странного, что филологи в таком споре оказались сильнее и убедительней? Историки же сами загнали себя в тупик имени Нестора, ограничившись сопоставлениями былин с летописью – из всего огромного свода знаний и источников о русской древности.

В этой «битве титанов» оказалась откинутой в сторону и забытой настоящая сокровищница знаний о прошлом русского народа. Огромный слой содержащихся в былинах сведений, складывающийся в цельную, непротиворечивую картину. Картину эту образуют не столько имена былинных героев, – они, как мы увидим, изменяются со временем – не столько сюжетные коллизии – эти, напротив, очень мало изменяются от народа к народу и от эпохи к эпохе. Самое ценное – это черты культуры и общественного устройства в былинной Руси. Черты же эти оказываются на удивление древними – слишком древними даже для Киевской Руси Святослава Храброго и Игоря Сына Сокола. То есть сведения эти освещали эпоху, не освещенную еще летописями, взгляд изнутри, русский взгляд на те времена руси, как народа и Руси, как державы, что мы привыкли изучать по византийским, западноевропейским и восточным авторам. Чего уж ценнее! И вот эти сокровища последователи Рыбакова откидывали в сторону оттого, что те не укладывались в их концепцию, их противники – отчасти по той же причине, отчасти потому, что, будучи филологами по специальности,

далеко не всегда могли постичь этих сведений для историка. Что ж поделаешь, еще Козьма Прутков утверждал – «узкий специалист подобен флюсу – полнота его односторонняя».

Нельзя, однако, сказать, что эти залежи исторических сокровищ были вообще обойдены вниманием исследователей. Совсем нет, и даже наоборот. Отдельные «самородки» и «алмазы» из этого слоя привлекали внимание всех – или почти всех – школ в русском былинноведении позапрошлого века. Среди них были Ф.И. Буслаев и А.А. Котляревский, искавшие в былинах славянские мифы, и корифей школы заимствований А.Н. Веселовский. Слишком долго было бы здесь перечислять фамилии тех исследователей, что собирали драгоценные крупички из этой сокровищницы в XX столетии, да и нужды нет. Нам все равно, читатель, предстоит пройти по их следам. Истории изучения русских былин будет посвящена первая часть настоящей книги. Очень хотелось бы, читатель, показать вам хоть мельком, хоть краешком «кухню» исследователей, их поиски и споры. В отношении к ученым человек, не принадлежащий к их узкому кругу, часто впадает в две противоположные крайности. Одному они кажутся бездельниками, невесть с какого потолка берущими теории о вещах, которых не знают и знать не могут, по чистому капризу принимающими одно и отвергающими другое. Другие, напротив, считают ученых чуть ли не бесстрастными небожителями, причастными к сокровищнице мифического «Объективного Знания». Первые, соответ-

ственно, вообще не склонны принимать мнения академических ученых во внимание, вторые считают, что раз уж УЧЕНЫЕ сказали – так оно и есть, спор окончен. И то и другое – крайность, путь наименьшего сопротивления, который всегда ведет вниз. Тем полезнее для читателя будет увидеть, как шла работа историков и фольклористов, какие мнения сталкивались, как влияли на ход исследований настроения того или иного времени, суровый надзор государства и еще более догматичный и нетерпимый диктат «прогрессивной, просвещенной общественности», в кругу которой вынуждены были вращаться, и из которой зачастую происходили сами исследователи русского эпоса. К труду ученых, в особенности историков и фольклористов, нельзя относиться потребительски. Каждый, берущий на себя смелость принять мнение ученого или отвергнуть его, должен знать, как рождалось это мнение.

Именно истории изучения русского эпоса будет посвящена первая часть книги. Разумеется, обзор этот не будет ни всесторонним, ни полным – на такой у нас нет времени и места. Нас занимает именно исследование учеными древнейших исторических пластов в русском эпосе.

Найденные учеными черты древнего быта и миропонимания расскажут нам о возрасте русских былин. Мы отправимся от одной такой черты к другой, как по вехам, в глубь времен – от более поздних черт ко все более и более древним. Такой подход называется ретроспективным. Это

путешествие в далекое прошлое займет вторую часть.

А куда приведет нас это путешествие, в какие именно века, в какие края, где и когда совершали свои деяния прототипы былинных богатырей? Родине сюжетов и героев русского эпоса, былинной Руси, будет посвящена третья часть.

Часть первая

Ученые и былины

Глава 1

Как Владимир Красно Солнышко стал Святославичем, а Илья – Муромцем. Донаучный период изучения былин

Как я уже говорил, история изучения русского эпоса в целом – тема чересчур объемная. Да и подводить итоги, «закрывать темы» на манер Путилова в любой науке, особенно в гуманитарной, – дело крайне неблагодарное. Стоит хотя бы вспомнить, как лет тридцать-сорок назад советские историки объявляли опровергнутой норманнскую теорию, объяснявшую происхождение русского государства деятельностью пришлых норманнов – якобы варягов русской летописи. В настоящее время норманнизм чистейшей воды образца доклада Готфрида Мюллера в Петербургской де сиянс академии 1749 года господствует в специальных и популярных книгах о начале русской истории на правах последнего слова

науки. В конце XIX века Джордж Фрэзер объяснил общие черты преданий Ветхого Завета с легендами и поверьями едва ли не всех народов Земли схожими путями развития общества и представлений людей о мире. В конце XX века господя Петрухин и Данилевский любое сходство между, скажем, «Повестью временных лет» и Библией объясняют цитатами из последней – скажем, те же варяги, братья Рюрик, Трувор и Синеус, пришедшие на Русь и севшие в Ладоге, Изборске и Белом Озере, это-де, оказывается, влияние ветхозаветной легенды о трех сыновьях патриарха Ноя, разделивших после потопа землю. Словно русские сказки не полны преданий о трех братьях-царевичах, словно еще скифских времен легенда не говорит о трех братьях-царях, разделивших землю скифов-пахарей на берегах Днепра – Коло, Липо и Арпо!

Таким примерам нет числа.

Мы ограничимся историей взглядов исследователей на отражение глубокой, дофеодальной, дохристианской, догосударственной старины в былинах.

Первые попытки решить задачу взаимосвязи былин и истории начались задолго до появления исторической и филологической наук. Еще в шестнадцатом веке автор Никоновской летописи на свой лад решал эти задачи, вводя в текст былинных героев – Александра (Алешу) Поповича и Василия Буслаева. Именно он первым «превратил» былинного Владимира Красно Солнышко во Владимира I Святосла-

вича, крестителя Руси. Новые поколения уверенно шли по его следам. Так, писатель «века золотого Екатерины» Василий Алексеевич Левшин написал по мотивам былин «Русские сказки» – вдохновившие, кстати, Пушкина на создание «Руслана и Людмилы». В них Левшин также отождествляет «Владимира Святославича Киевского и всея России» с былинным князем. Показательно, что «Святославичем» он называет князя лишь в авторском предисловии, тогда как в самих «Сказках» он «Славный князь Владимир Киевский солнышко Всеславьевич». Вслед за Левшиным первый издатель «Слова о полку Игореве», приводя былинную цитату из «Древних российских стихотворений» Кирши Данилова, заменяет в ней отчество «Всеславич» на «правильное» «Святославич» – последнее в былинах появляется чуть ли не в XX веке. Наконец, это отождествление узаконивает своим авторитетом Николай Михайлович Карамзин – и после него оно считается общим местом, едва ли не аксиомой.

Любопытное замечание Василия Никитича Татищева, связывавшего, кажется, слышанные им от «скоморохов песни старинные о князе Владимире» не с крестителем Руси, а с древним языческим князем того же имени, предком призвавшего Рюрика Гостомысла, осталось, насколько мне известно, незамеченным.

Еще занимательнее история того, как главный богатырь русских былин обрел прозвище Муромец, под которым он сейчас и известен, а также место в сонме почитаемых право-

славной церковью святых. Жизнь этого «святого», чьи «мощи» недавно были с помпой перевезены «на родину», в Муром, церковь относит к двенадцатому веку. Однако жития его, что показательно и что признают даже церковные авторы, не существует. В «Киево-Печерском патерике», подробно описывающем жизнь обители в том самом двенадцатом столетии, нет и намека на пребывание там муромского богатыря – хотя жизнеописания гораздо менее примечательных иноков дотошно пересказываются на десятках страниц. Впрочем, неудивительно – в двенадцатом столетии равноапостольный князь Константин только-только крестит упрямых «муромских святогонов», используя в качестве наиболее веского богословского довода камнеметные машины под стенами города. Первые известия о богатырских мощах в Киево-Печерской лавре также не называют их обладателя Муромцем. Посол австрийского императора Рудольфа II к запорожцам, иезуит Эрих Лясотта, первый описывает в 1594 году останки «исполина Ильи Моровлина». Двадцатью годами ранее, вне связи с мощами и лаврой, оршанский староста Филон Кмита Чернобыльский в письме Троцкому кастеляну Остафию Воловичу упоминает былинного богатыря Илью Муравленина.

Еще в конце XIX – начале XX века русские ученые Д.И. Иловайский и Б.М. Соколов убедительно доказали, что причиной превращения Муравленина в крестьянского сына Муромца стало появление в начале XVII века сподвиж-

ника известного повстанца Ивана Болотникова, казака-самозванца Илейки Иванова сына Муромца, выдававшего себя за несуществующего «царевича Петра». Многочисленные местные муромские легенды, связывающие названия урочищ, возникновение родников и пригорков с деятельностью Ильи Муромца, изначально, видимо, посвящались именно разбойному казаку. Подобные «борцы за народное счастье», от гигантов вроде Степана Разина, Емельяна Пугачева, Ваньки Каина до каких-нибудь Рошиных или Зельиных, были в Российской империи любимыми героями народных преданий. С ними как раз очень часто связывались – подчас самым невероятным образом – названия лесов, гор, рек. Так, речка Кинешма получила-де свое имя от тоскливого крика персидской княжны на разинском струге «Кинешь мя!». Надо ли говорить, что Степан Тимофеевич утопил несчастную пленницу за сотни верст от Кинешмы – кстати, и не в Волге, как поется в известной песне, а в Яике, который тогда еще не звался Уралом. На берегах Камы тот или иной холм оказывается в глазах местных крестьян грудой земли, высыпанной из сапога Пугачевым. В Жигулевских горах едва ли не каждый камень связывают с памятью если не самих Разина и Пугачева, то их сподвижников. И так далее и тому подобное. Вот про других былинных богатырей – Алешу, Добрыню, Святогора и прочих – подобных легенд нет, и муромские предания о ключе, забившем из-под копыт коня Ильи, или о холме, вставшем там, где он бросил шапку, примыкают не

к былинам, а к разбойничьим историям. И только позднее их связали с былинным тезкой самозванца. Сам же богатырь много древнее: его имя, как мы увидим, возникает в германских легендах и шведских сагах в XI–XIII веках.

Сам культ «святого Ильи Муромца» расцветает к концу того же семнадцатого столетия. Во время Никонова Раскола в русской церкви многочисленные паломники в Киево-Печерскую лавру устремлялись к мощам святого богатыря. И тут возникает очень занятное недоразумение – старообрядцы, возвращаясь, уверяли, что рука святого сложена в «древлем двуперстном знамении». Никониане, в свой черед, видели пальцы святого, «в посрамление раскольничьему суемудрию», сложенные троеперстно. Наконец, когда страсти Раскола схлынули, рука «Ильи Муромца» оказалась покойно лежащей поверх облачений с распрямленными пальцами. Поскольку всякому понятно, что любая попытка согнуть или разогнуть иссохшие пальцы мощей – по сути, мумии – привела бы лишь к их разрушению, остается лишь два объяснения этому странному явлению. Первое заставляет предположить, что в лавре, этом средоточии православной святости, развлекался над паломниками (при помощи святых мощей) нечистый – ну не небесные же силы так жестоко глумились над чувствами верующих! Второе, более обыденное – к нему, читатель, склоняюсь и я, – состоит в том, что в конце XVII века печерские иноки еще не решили твердо, какие из мощей принадлежат Илье Муромцу. Пока шел Раскол, а

власть российского государства и московского патриарха над Киевом еще была не тверда, печерские чернецы, кто из личных убеждений, а кто-то и из корысти – водили староверов к мощам с двуперстно сложенной десницей, а сторонников реформ Никона – к тем, что сложили пальцы «щепотью». Впоследствии же, чтобы не разжигать страстей, были подобраны на роль «святого Ильи Муромца» мощи с распрямленными пальцами – так сказать, ни вашим ни нашим. И вот по этим-то мощам безвестного черноризца иные горе-«ученые» в азарте «церковного возрождения» конца восьмидесятых «восстанавливали» и внешний облик былинного богатыря, и чуть ли не его биографию! И именно эти безымянные мощи недавно переехали «на родину». Остается воистину лишь молить Бога, чтоб хозяин «святых» останков при жизни имел хоть какое-то касательство к Мурому. Впрочем, ему, думается, это уже безразлично, зато муромцы получили «наглядное доказательство» того, что главный богатырь русских былин был их земляком, а муромские власти, светские и духовные, – неплохой источник дохода, как от паломников, так и от обычных туристов. В конце-то концов, если уж объявляют у нас Великий Устюг «родиной Деда Мороза», а село Кукобой Первомайского района Ярославской области – «родиной Бабы-яги» – чем «Илья Муромец» хуже?

Примерно той же степени надежности и обоснованности отличается увязывание «святого Ильи Муромца» с двенадцатым столетием. Лясотта упомянул между делом, что-де

«Элия Моровлин» геройствовал не то четыреста, не то пятьсот лет назад. Православные сочинители быстро отсчитали от времен Лясотты четыреста лет – и пожалуйста, двенадцатый век! Что никаких точных дат в преданиях, услышанных иноземным послом, не было и не могло быть, что, наконец, писания немецкого иезуита не самый лучший источник для поисков сведений о православном святом – это, по-видимому, никого не смутило. Главное – во благо церкви, во славу Христа. А истина – дело десятое. Что ж, наш современник Андрей Кураев, готовый и Гарри Поттера привлечь к делу православной проповеди, имеет достойных предшественников. Да они и не были первыми – разве не становились христианскими святыми языческая богиня кельтов Бригитта (родственница скандинавской Фригг, супруги Одина, и нашей Берегине) и александрийская язычница Ипатия, убитая христианами?

Как мы увидим еще, главный богатырь русского эпоса был «христианином» ничуть не лучше, чем эти достойные женщины.

Стоит еще заметить, что в связи с культом приписанных Илье Муромцу мощей в народе сохранялась очень устойчивая легенда, что мощи эти обретаются в пещерах на днепровском берегу со времен, предшествовавших заложению Антонием Киево-Печерской обители в начале XI века. Я прошу вас, читатель, запомнить это – мы вернемся к этому преданию, когда будем говорить о времени и месте возникновения

русского эпоса.

Так создавалась, в некотором роде, атмосфера, в которой пришлось работать последующим исследователям эпических преданий русского народа.

Глава 2

Как ученые открывали былины

Образованному российскому обществу и впрямь пришлось открывать эпос собственного народа, как какую-то неведомую страну. Впрочем, во времена возникновения исторической науки эта страна и интереса-то особого не вызывала. И Татищев, и издатель «Слова о полку Игореве» упоминали былинку лишь в примечаниях, комментариях, а Карамзин затрагивает их вскользь, в нескольких словах. Уж такое это было время, читатель. Время, когда царица Екатерина всерьез рассматривала архитектурные проекты Баженова, предусматривавшие разрушение части кремлевских стен, и молодой Карамзин с восторгом писал об этих планах в своем дневнике, а митрополит Филарет недрогнувшей рукою подписывал распоряжение о сносе древнейшего храма Москвы. Век классицизма и ампира с их идолопоклонническим преклонением перед «правильными» формами античности, век «Разума» и идей «Просвещения», овладевших напудренными головами. Национальный эпос с этих позиций представлялся осколком дикости и суеверий и не мог иметь никакой научной ценности.

Уж, казалось бы, минули конец XVIII – начало XIX столетий, когда благостные бредни просветителей заскрежетали ножами гильотин, когда напудренные головы покатались

– во имя Разума, естественно! – с эшафотов. Когда «светоч Прогресса» обернулся заревом пылающей Москвы, а в русский язык вошло слово «шаромыжник», обозначающее перемазанного в крови и саже поджигателя и мародера, славного сына революционной Франции, – казалось бы, пора было и протрезветь! Но нет – мысли радетелей прогресса и просвещения косны и неповоротливы, почитатели «Разума» менее всего склонны считаться с реальностью. Еще в 1815 году престарелый Державин – тот самый Гаврила Державин! – охарактеризовал первое издание русских былин в сборнике Кирши Данилова, как «нелепицу, варварство и грубое неуважение» к вкусам «чистой публики». Известный в то время фольклорист князь Н.А. Церетелев презрительно припечатал былины: «грубый вкус и невежество – характеристика сих повестей». Все тот же Карамзин – и снова в примечаниях, как бы в людской, чтоб не омрачать слуха благородной публики в «чистых» комнатах, – посмертно отчитал Михайлу Васильевича Ломоносова, вздумавшего провести параллели между эллинскими мифами и – «какой моветон!» – русскими сказками. Дворянин, потомок крещеных золотоордынских мурз, цедил через губу этому неотесанному мужлану, нордическому великану из Холмогор – мол, Баба-яга и Морской Царь это мужицкие, простонародные басни, не могущие, конечно, и сравниться с мифологией эллинов и не представляющие никакого интереса. Сравнить леших с фавнами, нимф – с русалками?! Как можно-с?! Уж не хотел ли

господин Ломоносов сказать, что приемные и парки дворянства российского украшены изображениями тех же существ, про которых врут ваньки и маньки в людских?!

Фи!!

Прошло полтора столетия. Уже давно стали аксиомой общие индоевропейские истоки славянского язычества и эллинской мифологии. Уже давно выяснены мифологические корни образов Бабы-яги и Морского Царя. Уже давно «низшая мифология» с ее лешими, домовыми и русалками – предмет пристальнейшего изучения этнографов и мифологов. Но до сих пор в чести у историков напудренный сентиментальный ордынец, а на прозревавшего, как обычно, через века вперед, Русского Гения многие историки смотрят с презрительной гримасой дорогой французской левретки, унюхавшей лапотный дух.

Упоминавшийся выше Василий Левшин принужден был изуродовать свои «Русские сказки» «рациональными» толкованиями в духе века, превращая, скажем, огненную реку в... ряд зеркал на пружинах. Иначе «чистая публика» просто не стала бы читать... впрочем, и тогда он не решился «опозорить» свою дворянскую фамилию, разместив ее на титульном листе книги, написанной по мотивам русских былин. В этом Василий Алексеевич оказался весьма предусмотрителен – стоит только вспомнить, сколько пришлось претерпеть его гениальному эпигону, Александру Сергеевичу Пушкину, за написанную по мотивам левшинских «Сказок» поэ-

му «Руслан и Людмила». Специалист по народной поэзии (!) А.Г. Глаголев язвил в адрес поэмы: «Кто спорит, что отечественное хвалить похвально; но можно ли согласиться, что все выдуманное киршами даниловыми хорошо и может быть достойно подражания?» Некий критик, укрывшись под псевдонимом «Житель Бутырской слободы», негодовал на поэта: «Позвольте спросить, если бы в Московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородой, в армяке, в лаптях и закричал бы зычным голосом: здорово, ребята! Неужели бы стали таким проказником любоваться?!»

Я повторяю – все это суждения и дела не каких-то бездарей и русофобов. Это столпы и вершины тогдашнего культурного общества, специалистов по фольклору, народной культуре, а Баженов, Державин, Карамзин вообще вошли в историю русского искусства и литературы. И я описываю все это не для того, чтоб столкнуть их с пьедестала, а только затем, чтобы Вы, читатель, оценили подвиг первопроходцев изучения русского эпоса.

Вспомните, наконец, каков был царь, при котором все это писалось и произносилось. «Властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой, над нами царствовал тогда». Это Пушкин, а Лесков в «Левше» приласкал лысого «фантастического путешественника» (ох, везет бедной России на этикие типажи!) еще убийственней – «царь Ляксандра». Даже не «Ляксандр» –

видать, до мужского рода в глазах подданных сей император недотягивал. И очень точно изображено в том же «Левше», как «Ляксандра» взახлеб восхищается всем иностранным, не забывая мимоходом грустненько пнуть русское мастерство. А каков поп, таков и приход...

Положение несколько изменилось при следующем царе. И можно сколько угодно бранить «Николая Палкина», «жандарма Европы», но именно при этом государе-рыцаре, начавшем правление с вразумления очередных просвещенцев картечью и виселицами, Чаадаев, попытавшийся, видать, по старой привычке, разом охаять русскую историю и русский народ, к своему несказанному удивлению, приземлился в лечебнице для умалишенных, по-нынешнему говоря – в психушке.

А для нас важно, что именно в правление Николая Павловича, в 1830-е годы, начался целенаправленный поиск былин – тех самых диких и грубых «сказок» неотесанного русского мужичья. И тогда же вошло в научный обиход слово «былина». До сих пор можно прочесть – иной раз как «твердо доказанное» – мнение, высказанное Всеволодом Миллером в 1895 году, что слово это по происхождению ненародное. Якобы Илья Петрович Сахаров, страстный собиратель русского фольклора, взял его из «Слова о полку Игореве» и превратил в обозначение богатырских песен-преданий. Но ведь Миллеру почти сразу возразил А.С. Архангельский, сам собиратель былин. Он указал, что в тридцатых-сороковых го-

дах девятнадцатого века слово «былина» уже было в ходу у крестьян Вологодской губернии (с ударением на последний слог – «былина́») и именно в значении песни про богатырей, и в Архангельской и Олонецкой губерниях оно обозначало то же («положи-тко полтину, я и спою былину»). Полвека спустя, в 1953 году, в поддержку Архангельского высказался П.Д. Ухов, сославшись на сибирские записи собирателей фольклора середины XIX века («былина – слово сибирское»).

И откуда что брала –
А куды разумны шутки,
Поговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины –

писал Пушкин о мастерице сказывать сказки, Пахомовне. Однако исследователи – в особенности принадлежащие к школе Проппа – настойчиво повторяют, как доказанную истину, мнение Всеволода Миллера, хотя он, казалось бы, один из корифеев нелюбимой ими «исторической» школы. Дело в том, что последователям Проппа очень важно подчеркнуть – ни к какой «были», то есть исторической конкретике, былины якобы не восходят.

Правильнее, наверное, будет все же считать слово «былина» редким, но народным по происхождению термином, вполне отражающим отношение сказителей к эпосу («не

сказка-побаска, а быль бывалая»).

Тридцатилетние усилия собирателей-первопроходцев сделали возможными в шестидесятые годы XIX века издание «Песен В.П. Киреевского» и открытие П.Н. Рыбниковым онежских былин. На Русском Севере обнаружился клад фольклора и эпоса, и эти суровые края стали почти на сто лет местом паломничества фольклористов. Иногда их поэтично величали «Исландией Русского эпоса». Именно на далеком острове в Северной Атлантике лучше всего сохранились скандо-германские предания, восходящие иногда к эпохе Великого переселения народов, падения Рима и нашествия гуннов Атиллы. Сравнение красивое, но неточное. Дело в том, что немалая часть преданий, сохранившихся в Исландии, была не забыта и в тех краях, где происходит их действие – во фьордах Скандинавии, на берегах Рейна и Дуная. В то же время под самым «стольным городом Киевом» мы не найдем и следа былинных преданий. Ниже мы подробно рассмотрим причины такого странного положения.

Глава 3

Мифы, заимствования или история? Школы былиноведения до Октября

Обычно былиноведение XIX – начала XX веков делят на ряд школ. Конечно, в те времена научные школы не приобрели еще того характера политических партий или религиозных сект, как во второй половине XX столетия. В наше время почти невозможно стать последователем И.Я. Фроянова человеку, начавшему научную карьеру как последователь идей Б.Д. Грекова, последователь В.Я. Проппа не примкнет к исторической школе Б.А. Рыбакова, а сторонник «неонорманизма» В.Я. Петрухина, Р.Г. Скрынникова и Л.С. Клейна вряд ли станет в ряды учеников А.Г. Кузьмина. Фраза: «Вашу руку, коллега, – вы меня убедили» – почти невысказана в научной дискуссии конца XX – начала XXI веков – по крайней мере в среде лингвистов, фольклористов или историков.

В XIX веке, напротив, известен целый ряд таких примеров. Так, Всеволод Миллер и Ф.И. Буслаев, начинавшие как видные представители соответственно теории заимствований и мифологической теории, примкнули впоследствии к исторической школе.

Но все же в фольклористике XIX века довольно отчетливо выделяется ряд направлений, а именно: мифологиче-

ская школа (ее иногда еще называют солярно-метеорологической), компаративистская школа (попросту говоря, школа заимствований), наконец, историческая школа. И, знакомясь с этой эпохой былиноведения, не принимать их во внимание невозможно.

Возникшая в первой половине XIX века в Германии под влиянием романтизма и разочарования в мифах «Просвещения», мифологическая школа в нашей стране была представлена такими, подчас мирового значения, фигурами, как А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, Орест Миллер и многие другие. В последние годы, после почти полуторавекового перерыва, несколько раз был переиздан фундаментальный труд Афанасьева, трехтомник «Поэтические воззрения славян на Природу». Несколько менее повезло с издателями работам Буслаева, тем не менее подборка его статей, изданная под общим заголовком «Народный эпос и мифология», в Москве в 2003 году, доступна любому любознательному читателю.

Мифологическая школа называлась так потому, что ее приверженцы возводили сюжетные основы былин и их быт к мифологии. В мифологии они, в свою очередь, видели аллегорическое описание явлений Природы, преимущественно грозы, дождя и других погодных явлений. Боги казались им воплощениями Солнца и Грома, демоны – туч или зимних холодов. Оттого возникло другое название этой школы – солярно-мифологическая.

В глазах этих ученых былины сами по себе были дохри-

стианской, догосударственной архаикой, слегка прикрытыми христианскими именами мифами о Русских Богах. Во Владимире Красно Солнышко видели, как легко догадаться, Солнечного царя Дажьбога. Илью Муромца через посредство Ильи Громовника отождествляли с небесным воителем, Громовержцем Перуном. Богатырский меч (а равно и палица, копьё, стрела) становился молнией, вражьи орды – тучей. Илья, по их мнению, сидел на печи, скованный болезнью – а на деле зимней стужей, – пока чудесные странники (осенние тучи) не напоили его живительной влагой (дождем). Тогда он обретает силу, и со стрелами-молниями отправляется на бой с Соловьем-разбойником, воплощением зимних ветров.

Иногда, впрочем, внутри былинного эпоса все же выделяли «старших» и «младших» богатырей. Выражение «старшие богатыри» встречается в одной былине об Илье Муромце.

Старшии богатыри дивуются:
«Нет на поездку Ильи Муромца!
У него посадочка молодецкая,
Вся поступочка богатырская».

Первым предложил выделять их славянофил Константин Аксаков, и Федор Иванович Буслаев поддержал его. Оба они понимали под «старшими» богатырями тех, в ком языческое, «титаническое» начало выступает слишком уж очевидно, – исполина Святогора, князя-оборотня Вольгу Всеслави-

ча, волшебного пахаря Микулу Селяниновича. Следует, однако, отметить: сам эпос не проводит четкой грани между «старшими богатырями» и прочими героями былин.

Толкование былин как «замаскированных мифов» было очень натянутым. Сохранилось немало культур, в которых отдельно и независимо существовали мифы и эпические предания о героях. Пураны и итихасы Индии, мифы и легенды Эллады, мифологические и героические песни «Старшей Эдды». Зигфрид побеждал дракона – и Тор побеждал Змея, но Зигфрид явно не был «историфицированным Тором», как и Геракл, победитель Лернейской Гидры, не представлял собою очеловеченную, приземленную версию змееборца Аполлона. Наивные методы мифологистов позволяли свести к все той же солнечно-погодной схеме жизнь любого исторического персонажа. Первым это подметил француз Жан Батист Перес – и с истинно французской легкостью и остроумием сочинил памфлет, в котором с серьезным видом, по всем правилам «мифологической» теории, доказывал, что Наполеон Бонапарт не кто иной, как... солнечный миф. В самом деле – его имя означает Наи Аполлон, Истинный Аполлон, фамилия Бонопарте, «благая часть», обозначает власть Солнца над светлой частью суток, днем, и летом – теплой половиной года. Кстати о Лете – мать Наполеона звалась Летицией, а мать Аполлона – Латона или Лето – не ясно ли, что это одно и то же?! Двенадцать маршалов Наполеона – это знаки Зодиака, его дети – времена года, поверженная

им гидра революции (ре-волюта, извивающаяся!) – это змей Пифон, пораженный Аполлоном, и так далее и тому подобное. Английский этнограф Эдуард Тэйлор писал в 1871 году: «Нет такой легенды, аллегии или детской песенки, которая была бы в безопасности от всюду проникающего мифолога-теоретика... Нетрудно также указать на солнечные эпизоды, олицетворенные в исторических характерах, выбранных с известной осмотрительностью. Так, Кортес, высаживающийся в Мексике и принятый ацтеками за самого Кетцалькоатля, жреца Солнца, возвращается с Востока для возобновления своего царства света и славы. Подобно Солнцу, покидающему Зарю, он покидает жену своей молодости и в более зрелую пору изменяет Марине ради другой невесты. Подобно Солнцу, блестящая, победоносная карьера его только на закате жизни омрачается тучами печали и немилости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.